

ВОСПРИЯТИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В УКРАИНЕ В 1990-Е ГОДЫ

Мусиезов А.

г. Харьков. Украина

Об интеллигенции обычно принято говорить как о реально существующей группе. Тем не менее, для социологии само существование тех или иных групп часто оказывается вопросом дискуссионным, поскольку разные исследователи вводят различные критерии их существования. При этом в качестве одного из важных критериев оказывается тот, который, в общем-то, повторяет известный тезис субъективного идеализма: существовать – значит быть воспринимаемым. То есть в рамках социологического анализа общества вообще и социальной структуры в частности, принципиально важным оказывается восприятие тех или иных социальных групп.

Естественно, это восприятие изменяется во времени, особенно хорошо это видно в периоды существенных общественных изменений. Не составляет исключения и восприятие интеллигенции. На основании вторичного анализа результатов ряда социологических исследований, проведенных в 1990-х годах¹, мы выяснили, как это восприятие менялось в этот период в украинском обществе.

Анализ показал, что в начале 1990-х гг. представление о социальных группах украинского общества было весьма размытым. Это легко объяснить тем, что радикальные социальные изменения, происходившие в этот период (в частности, изменение привычных форм занятости, безработица и т.д.), нарушили привычные ранее схемы восприятия – «все смешалось», и «опознавать» существующие социальные группы стало весьма затруднительно (учитывая изменения социальной структуры, то есть самих групп). В этот период среди предложенных в исследованиях пяти социальных групп в восприятии респондентов присутствовало разделение на два блока. К одному относились «крестьяне» и «работники физического труда», а к другому – «предприниматели», «управляющие, администраторы» и «интеллигенция». Тем не менее, в более поздних исследованиях именно интеллигенция воспринимается уже обособлено от других социальных групп. Это, по-видимому, можно объяснить как несколько возросшей степенью востребованности профессий, связанных с умственным трудом, так и с тем, что попытки части «интеллигенции» идентифицировать себя с другими группами оказались не слишком удачными. К тому же, именно интеллигенция, располагая некоторыми интеллектуальными ресурсами, вероятно, смогла лучше других «обозначить» свое отличие от других групп.

К этому можно добавить также и то, что среди различных общностей, к которым респонденты считают важным принадлежать, в 2000 году на первом месте оказывается «общность с людьми такого же социального положения», а принадлежность к «интеллигенции», так или иначе, оказывается признаком относительно высокого социального (хотя и не материального) статуса.

Если дальше рассматривать результаты исследования 2000 года, в котором предложенных респондентам групп было уже не пять, а десять, то «интеллигенция» вполне предсказуемо оказывается связанной в восприятии респондентов с такими группами как «высококвалифицированные специалисты» и «служащие». При этом она воспринималась как отличающаяся не только от «рабочих» (квалифицированных и неквалифицированных) и «крестьян» (и «фермеров»), но и от «бизнесменов, крупных собственников», «предпринимателей» и «государственных чиновников», то есть групп, деятельность которых также предполагает умственный труд². Таким образом, можно сделать вывод, что последнее различие основано на критерии «функции» труда, закрепленную за социальными позициями, обозначенными как «интеллигенция», «высококвалифицированные специалисты» и «служащие» с одной стороны («управляемый» труд), и «бизнесмены, крупные собственники», «предприниматели» и «государственные служащие», с другой («управляющий» труд), либо относительную новизну последних.

Если же сравнить полученные данные с восприятием, характерным для возрастной группы 21-30 лет (как «нового поколения», чье видение будет определяющим в будущем), то здесь схема восприятия указанных различий будет иной: здесь гораздо более обособленной представляется группа «высококвалифицированные специалисты». Их отличие от «интеллигенции» и «служащих» можно интерпретировать как имеющее в основании различие в «степени зависимости от организации» – последние воспринимаются как более зависимые³, в то время как «высококвалифицированные специалисты», имеющие (предположительно) более универсальный ресурс для рынка труда (высокую профессиональную «прикладную» компетенцию), воспринимаются как менее зависимые.

1 Институтом социологии НАНУ (1993, 1995, 1998 гг.) и Лабораторией социологических исследований социологического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (2000 г.).

2 Можно предположить также, что номинации «высококвалифицированных специалистов» и «служащих», не предполагавшиеся более ранними исследованиями, скорее всего, семантически входили в состав фигурирующей в этих исследованиях номинации «интеллигенции».

3 Можно вспомнить, что советская официальная таксономия рассматривала «интеллигенцию» не столько как «вольнодумцев», сколько как работников (в пределе – «служащих») учреждений культуры, науки и техники, образования.